

УДК 821.161.1

ТЮТЧЕВСКАЯ ТРАДИЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© **Колмакова Оксана Анатольевна**

доктор филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: post-oxygen@mail.ru

© **Раднаева Виктория Жамьяновна**

магистрант Института филологии, иностранных языков и массовых коммуникаций
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: radnaeva_78@mail.ru

«Литература ночного зрения» — определение, предложенное отечественной критикой для характеристики феномена современной малой прозы — ряда произведений таких очень разных писателей, как Л. С. Петрушевская, Т. Н. Толстая, Н. Н. Садур, Ю. В. Мамлеев, В. О. Пелевин и др. «Ночная поэтика» этих авторов рассматривается прежде всего как средство разрушения советской мифологии: идеи «светлого будущего». Чувство страха, неуверенности, нестабильности жизни выразилось у современных авторов в мотивах ночи, хаоса, одиночества, отчужденности, сна как присутствия иррационального. Однако демифологизация советского мифа не является единственной художественной задачей современных писателей. Их мироощущение сродни тому, которое было присуще многим русским художникам XIX века, в частности, такому классику русской поэзии, как Ф. И. Тютчев.

Ключевые слова: Ф. И. Тютчев; современная русская литература; мотив; образ; ночь; бездна; сон.

Ощущение нестабильности существования современного человека выражается у русских писателей в ряде устойчивых мотивов и образов, формирующих так называемую «ночную поэтику». К ним относятся образы ночи, бездны, мотивы смерти, одиночества, сна. По нашему мнению, данная стилистика не является только лишь «ответом» современных авторов на кризис советской мифологии с ее идеей светлого будущего, как об этом пишет, к примеру, М. Галина [1, с. 3]. Если обратиться к контексту русской классической литературы, то можно увидеть, что деструктивные образы и мотивы для нее довольно частотны.

Так, «смешной человек» Ф.М. Достоевского вместо спасения и света в «ужасном темном небе» видит «разорванные облака, а между ними бездонные черные пятна» [4, Т. 10, с. 422]. А безличный повествователь из «Невского проспекта» Н. В. Гоголя вполне осознает, что привычный мир в действительности враждебен человеку. Мир этот искажен, потому что источником света в нем служит не Бог, а «сам демон, зажигающий лампы для того только, чтобы показать все не в настоящем виде» [2, Т. 1, с. 408]. Следовательно, глубинным истоком поэтики «ночного сознания» у авторов конца XX века является чувство дисгармонии, онтологически присущее русскому художественному сознанию.

Это ощущение присуще Ф. И. Тютчеву, с чьим именем связан такой феномен русской поэзии, как «ночная лирика». Лирическому герою Тютчева свойственно

чувство потери мировой гармонии, он ясно ощущает власть иррациональных сил над человеком. Основными в поэзии Тютчева становятся такие образы-символы, как «пылающая бездна», «стихия», «чужой мир», «ночь». Они могут сосуществовать в пределах одного поэтического текста:

...По чуждой мне земле скитаюсь сирой тенью,
И мертвого согреть бессилен солнца свет.
С холма на холм скользит мой взор унылый
И гаснет медленно в ужасной пустоте
<...>

Какая ночь сгустилась над землею,
И как земля ввиду небес мертва!.. («Одиночество») [10, Т. 2, с.32-33].

Эпитет «ночной» применительно к слову «бездна» еще более усиливает ощущения потерянности и безысходности, испытываемые лирическим героем:

И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград межей и нами —
Вот почему нам ночь страшна! («День и ночь») [10, Т. 2, с.98].

Парадоксально, но стихия ночи не маркирована у Тютчева негативно как «чужая» или «враждебная» человеку. Лирический субъект чувствует себя защищенным только под «покровом ночи»:

О, как пронзительны и дики,
Как ненавистны для меня
Сей шум, движенье, говор, крики
Младого, пламенного дня!..
О, как лучи его багровы,
Как жгут они мои глаза!..
О ночь, ночь, где твои покровы,
Твой тихий сумрак и роса!.. («Как птичка, раннею зарей...») [10, Т. 1, с. 65].

Лирический герой осознает себя как своеобразного «наследника ночи», поэтому все «светлое» для него становится «давно минувшим сном» –

И в чуждом, неразгаданном, ночном

Он узнает наследье родовое» («Святая ночь на небосклон взошла...») [10, Т. 1, с.118].

Проводить параллели между современной прозой и поэзией Ф. И. Тютчева позволяет тяготение этой прозы к лирике, поскольку стиль современных авторов можно обозначить как орнаментализм. Кроме того, в повествовании Л. Петрушевской, Т. Толстой, Н. Садур преобладает субъективное начало, поскольку их произведения часто представляют собой рефлексию рассказчика или персонажа, который нередко является Поэтом, своеобразным «лирическим героем» — единственным абсолютным началом в сплошь относительном художественном бытии. Средством выражения ощущения пустоты, отсутствия реальной прочной опоры в мире у перечисленных авторов является система мистических образов и мотивов.

Тютчевское мироощущение в полной мере характеризует прозу Ю. В. Мамлеева, чьи произведения наполнены мотивами вторжения иной реальности в обыденное пространство. У этого современного автора мистическое событие никогда не замыкается на самом себе, но несет существенную художественную нагрузку.

Как отмечает О. Дарк, героям Мамлеева «страшна не боль, холод, голод <...>, а разверзшаяся внутри и рядом бездна» [3, с. 220]. В рассказе Ю. Мамлеева «Дорога в бездну» Сергей Еремеев почти физически ощущает присутствие «непонятно-запредельной вселенной», которая зовет героя и посылает ему разные «знаки» [5, с. 147].

Постоянными в поэтике современных авторов становятся образы ночи и мотив сна, художественное решение которых поразительно совпадает с тютчевским. Иногда эти совпадения доходят до интертекстуальных. Например, строки Тютчева

О, странных песен ты не пой
Про древний хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!» («О чем ты воешь, ветер ночной?») [10, Т. 1, с. 57]

вполне могли бы быть написаны героиней повести Л. Петрушевской «Время ночь», поэтессой Анной Андриановной, создавшей поистине исповедь ночной души. В данном контексте уместно привести и строки Тютчева из стихотворения «Бессонница», где образ «городской ночи» является центральным:

Ночной порой в пустыне городской
Есть час один, проникнутый тоской,
Когда на целый город ночь сошла,
И всюду водворилась мгла [10, Т. 2, с. 271].

Именно в такие часы Анна Андриановна «одна во всем городе, в своем микрорайоне слушает по ночам, не закричит ли кто!» Ее «страшная» повесть наполнена проникновенным лиризмом: «Бедные старые люди, я плачу над вами!» — трагически восклицает Анна Андриановна. Ощущения лирического героя Тютчева и героини Петрушевской совпадают и в восприятии ими «вестников дня». Так, однажды Анна Андриановна в испуге увидела «что-то белое, прилипшее к оконному стеклу». Этим «белым» оказался рассвет, явившийся, чтобы сообщить о том, что время героини — «время ночь» — кончилось. А лирический герой стихотворения Тютчева «Вечер мгlistый и ненастный...», захваченный врасплох «жаворонка гласом», с ужасом восклицает:

Ты ли, утра гость прекрасный
<...>
В этот мертвый, поздний час,
Как безумья смех ужасный,
Он всю душу мне потряс!.. [10, Т. 1, с. 62].

Лирическое начало присутствует и в мистическом цикле Петрушевской «Песни восточных славян». Эти истории представляют собой стилизацию под своеобразный «ночной советский фольклор». Ночь в них служит необходимым «фоном» для адекватного восприятия. У Петрушевской «Песни...» воплощают субъективно-лирическое, глубинно-душевное начало в человеке, противопоставленное официозу советской идеологии.

Тютчев переворачивает традиционную аксиологическую шкалу: в его стихотворении «Закралась в сердце грусть...», насквозь проникнутом «энергией энтропии», «верх» и «низ» меняются местами:

А нынче мир весь как распался:
Все кверху дном, все сбились с ног, —

Господь-бог на небе скончался,
И в аде сатана издох [10, Т. 2, с. 61].

Этот тютчевский перевернутый мир находим и в повести Петрушевской. Роль «хронотопа откровения» у нее выполняет ночь, традиционно считающаяся временем господства темных, иррациональных сил. Петрушевская опрокидывает эту установившуюся систему представлений и, вслед за Тютчевым, изображает влияние на человека «мира иного», чье «присутствие» постоянно ощущается ее героями.

Мотив ночи у Петрушевской напрямую связан с мотивом помутненного сознания: ее Анна Андриановна находится на грани шизофрении — болезни, почти фатально преследующей ее семью. Ночное сознание как сознание безумное явлено в рассказе «Ночь» современницы Петрушевской Т. Толстой. Сознание героя этого рассказа как бы погружено в постоянный сон.

Именно у Ф. И. Тютчева впервые в русской литературе появляется символика сна как иррационального, бессознательного начала:

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь — и звучными волнами

Стихия бьет о берег свой... («Как океан объемлет шар земной...») [10, Т. 1, с. 78].

У современных авторов малой прозы сновидение — один из постоянных мотивов. Сон символизирует «темное» начало человеческой души, эстетизируя иррационалистическое понимание мира как некоей фантазмагии, иллюзии, «покрывала майи», по А. Шопенгауэру. Так, герой рассказа Н. Садур «Печаль отца моего» везет своего ребенка отдыхать на море, где «корабли и дельфины». Однако мальчик от избытка впечатлений уходит в какой-то «глубинный, донный сон, погружаясь в тугое время все глубже и глубже» [7, с. 327].

Персонаж рассказа Т. Толстой «Петерс» восклицает: «К черту жизнь — спать, спать, заснуть и не просыпаться!». Он проживает во сне всю свою жизнь: «Но Петерс спал и спал, и жил сквозь сон; аккуратно вытирал рот, ел овощное и пил молочное; брил тусклое лицо — вокруг сомкнутого рта и под спящими глазами, — и как-то нечаянно, мимоходом, женился на холодной твердой женщине...» [9, с. 235].

Героиня новеллы Л. Петрушевской «Страна» — спивающаяся, брошенная женщина. Она и ее маленькая дочь никому не нужны — ни бывшему мужу, ни его друзьям. Но в жизни двух покинутых существ появляется иная реальность — мир «божественных снов», который становится для них единственно подлинным. Они «касаются головой подушки и тут же засыпают, чтобы вернуться в ту страну, которую они покинут опять рано утром, чтобы бежать по темной морозной улице куда-то и зачем-то, в то время как нужно было бы никогда не просыпаться» [6, с. 60]. Таким образом, у современных писателей мотив сна деактуализирует несовершенную реальность, превращая ее во что-то призрачное, симулятивное.

Авторы конца XX века провозглашают сон, хаотичный наплыв бессознательного, единственно возможной реальностью жизни героя. Современные писатели обнажают в мировом бытии его «темный корень», который в XIX веке сумел почувствовать и воплотить в своей поэтической философии Ф. И. Тютчев. Однако

уже В. Соловьев заметил, что хаос, явленный в поэзии Тютчева, лежит в основе мироздания и «сообщает различным явлениям природы ту свободу и силу, без которых не было бы и самой жизни и красоты» [8, с. 114].

Литература

1. Галина М. Литература ночного зрения (Малая проза как разрушитель мифологической системы) // *Вопр. лит.* 1997. № 5. С. 3–21.
2. Гоголь Н. В. Избранные сочинения: В 2-х т. / Вступ. статья П. Николаева; Примеч. Н. Степанова и др. М.: Худож. лит., 1984.
3. Дарк О. Миф о прозе // *Дружба народов.* 1992. № 5-6. С. 219–234.
4. Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 10 т. / под общ. ред. и с прим. Л. П. Гроссмана. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1958.
5. Мамлеев Ю. Конец века: цикл. М.: Вагриус, 2003. 206 с.
6. Петрушевская Л. Бал последнего человека. М.: Локид, 1996. 554 с.
7. Садур Н. Чудесные знаки: роман, повесть, рассказы. М.: Вагриус, 2000. 384 с.
8. Соловьев В. С. Поэзия Ф. И. Тютчева // Соловьев В. С. Литературная критика. М.: Современник, 1990. С. 105–121.
9. Толстая Т. Река Оккервиль: рассказы. М.: Подкова, 2002. 464 с.
10. Тютчев Ф. И. Лирика: в 2 т. М.: Наука, 1966.

TYUTCHEV TRADITION IN CONTEMPORARY RUSSIAN LITERATURE

Oksana A. Kolmakova

doctor of Sciences in Philology, Associate Professor of the Russian and foreign literature department of Institute of Philology, Foreign Languages and Mass Communications
Banzarov Buryat State University
24 a, Smolina Str., Ulan-Ude, 670000 Russia

Victoria Zh. Radnaeva

graduate student of Institute of Philology, Foreign Languages and Mass Communications
Banzarov Buryat State University
24 a, Smolina Str., Ulan-Ude, 670000 Russia

“Night vision literature” is the definition offered by Russian critics to describe the phenomenon of contemporary small prose by some so different writers as L.S. Petrushevskaya, T.N. Tolstaya, N.N. Sadur, Yu.V. Mamleev, V.O. Pelevin and others. Their “night poetry” is considered as Soviet mythology — “bright future” idea-destruction means. The feeling of fear, insecurity, life instability shaped in the motives of night, chaos, loneliness, aloofness, dream as irrationality presence. However, Soviet myth demythologization is not the only task of contemporary authors. Their outlook is similar to many Russian artists of XIX century, for instance F.I. Tyutchev.

Keywords: F. I. Tyutchev; contemporary Russian literature; motive; image; night; abyss; dream.